

Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники

Игорь Федюкин

Несмотря на всю остроту дискуссий о генезисе петровских государственных и социальных институтов и, шире, о сочетании в них нового, «рационального» и архаичного, о степени разрыва и преемственности между московским и петровским периодами российской истории, общим для подавляющего большинства имеющихся работ является фокус на роли именно монарха как основной движущей силы преобразований. Во многом это оправдано: разумеется, Пётр с его харизмой и бешеной энергией являлся ключевой фигурой, задающей тон всей эпохе. Способствует фиксации историков на фигуре Петра и огромное документальное наследие, которое отражает действительно феноменальную работоспособность монарха, его погружённость в мельчайшие детали государственного управления, готовность, засучив рукава, раз за разом лично редактировать последовательные версии важных для него документов. Немало таких эпизодов превосходно изучено, и во многом благодаря им формируется образ всепроникающего и всевидящего Петра, восходящий, конечно, к ещё прижизненной мифологии «отца отечества», подобно демиургу, собственноручно создавшего новую Россию буквально из ничего. В итоге роль Петра в тех или иных инициативах зачастую «додумывается» историками даже там, где прямых свидетельств участия царя нет. Нередко такая реконструкция оправданна и необходима, поскольку многие указания давались Петром устно или через третьих лиц, решения выработывались в ходе очных встреч и неформального общения, приверженностью к которому так знаменит первый российский император. Однако, как представляется, такая реконструкция должна во всех случаях чётко оговариваться, не подменяясь приписыванием воле и замыслу Петра всего, что происходило на бескрайних просторах России за десятилетия его царствования.

При этом встаёт вопрос не столько о «личном вкладе» Петра в реформы, сколько о механизмах становления в России государства раннего Нового времени. Предполагается, что преобразования были проведены, даже навязаны исключительно «сверху» – и хотя во многом так и было, при подобном подходе упускается из виду крайняя институциональная слабость государства той эпохи (не только российского). Государственное управление не могло осуществляться с опорой прежде всего на социальные сети, личные каналы влияния, клановые механизмы и стоявшие за ними индивидуальные карьерные

© 2014 г. И.И. Федюкин

Статья подготовлена в ходе выполнения проекта «Трансформация элит и институциональная среда в России Нового времени: источники изучения, междисциплинарные подходы, компаративный контекст» в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2014 г.

и материальные интересы¹, складывавшиеся в настоящее «административное предпринимательство»². В своё время П. Бушкович показал роль конкуренции вельможных кланов как основы петровской модели государственного управления³. Однако, реконструируя перипетии этой борьбы, он практически не ставит вопрос о её влиянии на облик формирующихся институтов, на содержательную составляющую государственной политики. Между тем формирование фракций и социальных сетей было способом реализации содержательных программ, которые, в свою очередь, структурировали эти фракции и сети, создавали основу для оформления их идентичностей. При этом позиция монарха почти всегда была достаточно амбивалентной (или даже безразличной) и допускала различные, в том числе взаимоисключающие её толкования заинтересованными сторонами. Как указывает М.Д. Долбилов, «единоличная воля монарха уже на ранней стадии “конфигурировалась” ожиданиями и запросами узкого, но активного круга элиты», а обсуждение государственной политики выливалось в борьбу в среде высшей бюрократии за истолкование этой воли⁴. Ключевым ресурсом становилась при этом возможность прямого доступа или хотя бы личного письменного обращения к государю. Формирование же государственной политики неизбежно становилось площадкой для реализации личных амбиций и соперничества, борьбы за административные полномочия, символические и материальные ресурсы.

Примером такого опережающего «угадывания» монаршей воли может служить, например, история возникновения ордена Св. Екатерины, который обычно рассматривался как типично петровский проект, отражающий его династические планы и представления⁵. Однако обнаруженные черновики орденского устава показывают, что роль Петра – насколько позволяют судить источники – в данном случае была пассивной. Конечно, создание ордена не могло произойти без его согласия и соответствовало его увлечённости орденской тематикой и династической ситуации. Однако предпочтения царя лишь задавали общие рамки, в которых его приближённые (Екатерина I, Б.И. Куракин и стоявший за ними А.Д. Меншиков) могли продвигать свои индивидуальные проекты, в значительной степени определявшиеся их стратегиями в борьбе за власть и доступными им ресурсами⁶.

Автор выражает благодарность Эрнсту А. Зитцеру, А.Л. Зорину, С.Л. Козлову, Т.В. Костиной и О.Е. Кошелевой, а также участникам семинаров в НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) и Европейском университете в Санкт-Петербурге за ценные замечания, высказанные ими в ходе обсуждения ранних вариантов этой статьи.

¹ Применительно к Франции об этом см., например: *Rowlands G. The Dynastic State and the Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1701. Cambridge, 2002.*

² *Федюкин И.И.* «Прожектёры» как административные предприниматели: Становление раннемоделерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // Новые модели образования и прожектёрство в России в первой половине XVIII века (в печати); *Козлов С.Л.* Общество выскочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 583–606.

³ *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge, 2001.* Следует также упомянуть работы: *LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of Russian Political Order, 1700–1825. Oxford, 1991;* *Ransel D.L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven, 1975.*

⁴ *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. Вып. 9. М., 2006. С. 5–48.

⁵ *Marker G. Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, 2007. P. 133.*

⁶ *Fedyukin I., Zitser E.* For Love and Fatherland. Political clientage and the origins of Russia's first female order of chivalry // *Cahiers du monde russe.* 2011. Vol. 52. № 1. P. 5–44.

Очень важной, с точки зрения осмысления петровских реформ как результата административного предпринимательства «снизу», является недавняя статья А.В. Жуковской⁷. Опираясь на уже закрепившееся в литературе мнение, согласно которому формирование приказов, а за ними и многих петровских учреждений, следует рассматривать как процесс институционализации индивидуальных поручений монарха тому или иному сановнику⁸, Жуковская реконструирует становление Ратуши и роль в ней известного «прибыльщика» А.А. Курбатова (1663–1721)⁹. Образование Ратуши, её трансформация «из поручения в учреждение» прочитывается сквозь призму индивидуальных карьерных устремлений и усилий Курбатова, действовавшего с опорой на реконструируемую исследовательницей сеть собственных клиентов. Существенно, что при таком подходе снимается сама оппозиция между, с одной стороны, риторикой «общего блага» и регулярного государства, а с другой – карьерными амбициями сподвижников Петра и их склонностью действовать в рамках неформальных моделей отношений, где трудноразличима грань между «традиционной» поддержкой клиентов и прямой коррупцией. Вместе с тем за рамками исследования Жуковской осталось пространство идей и представлений, его соотношение с пространством социального и политического: кажется логичным предположить, что имевшиеся у таких деятелей, как Курбатов, культурные корни должны были структурировать их административно-предпринимательскую деятельность.

Рассмотреть вопросы о соотношении в петровских реформах замысла «сверху» и предпринимательства «снизу», о сочетании в административном предпринимательстве «карьерного» и идейного можно на примере истории становления такого хрестоматийного петровского учреждения как Навигацкая школа, ключевую роль в котором также сыграл Курбатов¹⁰. Архив школы сгорел во время пожара в Морском кадетском корпусе в 1771 г., что способствовало мифологизации этого учебного заведения. В основе данной статьи, помимо введённых в недавнее время в научный оборот фактов, лежат мало использованные историками материалы переписки школы с правительственными учреждениями, сохранившиеся в РГА ВМФ и в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Они позволяют достаточно подробно реконструировать историю становления школы, показав, как именно Курбатову удавалось мобилизовать различные ресурсы для её создания и развития и одновременно использовать школу для поддержания и расширения собственной клиентской сети, а также для освоения новых ресурсов и административных возможностей.

---

⁷ Жуковская А.В. От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. Вып. 13. М., 2009. С. 314–376.

⁸ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 46–47; Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 30–33.

⁹ Наиболее подробный биографический очерк о Курбатове см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008. С. 172–214. О его прожектёрской деятельности, включая его предложения о развитии академий и школ, см.: Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000. С. 80–90.

¹⁰ Роль Курбатова в развитии школы уже отмечалась исследователями. В частности, см.: Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997; Бенда В.Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских кадров в XVIII веке. СПб., 2009. С. 13.

Создание Московской школы математических и навигацких наук занимает видное место среди знаковых культурных инициатив Петра. Рассадник новых знаний и «новых людей», школа воспринимается как детище самого царя, лично нанимавшего иностранцев-чителей и задавшего секулярную, ориентированную на технологии программу преподавания, которая шла вразрез с нормами и представлениями современного ему общества. Предполагается, что создание такой школы Петру приходилось поддерживать лично, преодолевая сопротивление представителей элиты, в том числе церковных кругов. В действительности же свидетельств личной вовлечённости Петра в создание и деятельность школы достаточно мало. Как мы увидим, об этой вовлечённости свидетельствует ряд посвящённых школьным делам документов, обращённых к Петру, однако о его реакции на них, как и о документах, инициированных самим царём, практически ничего не известно.

Самое очевидное проявление интереса Петра связано, конечно, с эпизодом найма им в Лондоне британских преподавателей – А.Д. Фархварсона (1675(?)–1739) и его коллег. «В 5 день [апреля] ездили верхами к математику, – сообщает дневник пребывания Петра в Лондоне в 1698 г. – В 6 день ездили в шлюпке к математику»¹¹. Если здесь под «математиком» понимается Фархварсон, то выходит, что царь лично дважды ездил нанимать учителя для офицеров своего будущего флота. Однако гораздо более вероятно, что речь в дневнике путешествия идёт не о Фархварсоне, который в момент встречи с Петром не имел и 30 лет от роду и, лишь недавно окончив колледж Маришала в Абердине, занимал там же скромный пост наставника (тьютора) математики¹², а о ком-то из астрономов находившейся неподалеку Гринвичской обсерватории¹³.

Точно известно, что Пётр ещё до приезда в Англию интересовался возможностью нанять там учителей навигации. Н. Латтрелл, хроникёр английской политической жизни той поры, ещё 8 апреля 1697 г., почти за год до приезда Петра в Лондон, записал в своём дневнике, что «царь Московии послал сюда за некоторым количеством математиков, чтобы обучать его народ искусству навигации, фортификации и т.д., и мистеру Бруку из Королевского общества указано назначить 20 [человек] отправиться туда по этому случаю»¹⁴. Однако едва ли Пётр имел чёткое представление о том, кого именно, как и где следует нанимать: определяющими здесь были скорее идеи его контрагентов в Англии. В частности, предложения по организации флота готовил для царя адмирал П. Осборн, маркиз Кармартен, среди прочего предложивший Петру нанять несколько молодых человек из числа выпускников Королевской математической школы¹⁵. Кто порекомендовал царю именно Фархварсона, точно неизвестно, но, вероятно, это был один из британских моряков, приставленных к Петру во время его пребывания в Англии – уже упоминавшийся маркиз

¹¹ Походный журнал 1698 года. СПб., 1853. С. 11–12.

¹² *Fedosov D. A Scottish mathematician in Russia: Henry Farquharson in Russia (1675–1739) // The universities of Aberdeen and Europe. Aberdeen, 1995. P. 102–107.*

¹³ См. об этом: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: Рубеж эпох или начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 231, 559 (примеч. 549).*

¹⁴ *Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Vol. VI. Oxford, 1857. P. 207.* В качестве примера гораздо более вовлечённого участия Петра в разработку образовательных вопросов см. «Статьи последующие морскому флоту 1697 года», содержащие инструкции отправляемым за границу волонтерам: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 118.

¹⁵ *Ryan W.E. Peter the Great's English Yacht // The Mariner's Mirror. 1983. Vol. 69. № 1. P. 85.*

Кармартен или вице-адмирал Д. Митчелл. Последний, подобно Фархварсону, был уроженцем Абердина¹⁶. Возможно также, что математик получил рекомендации многочисленных эмигрантов-якобитов на русской службе: его учитель, абердинский профессор математики Д. Лиделл, был известным сторонником изгнанных Стюартов и за свои политические взгляды даже попал на какое-то время в тюрьму¹⁷. Не случайно, по сообщению Фархварсона, Пётр заключил с ним устный контракт (где-то в начале–середине апреля) в присутствии якобита Я. Брюса и А. Стельса – английского купца, хорошо знакомого с царём и имевшего обширный бизнес в России¹⁸. Брюс в своём письме Петру месяц спустя писал именно о «математике, которого [Пётр] изволил перед [отъ]ездом [из Лондона] принять» на службу¹⁹. Примерно тогда же должны были быть наняты царём на работу и два будущих помощника Фархварсона – выпускники Королевской математической школы С. Гвин и Р. Грейс, которым было на тот момент, соответственно, 15 и 17 лет от роду²⁰.

Нет никаких оснований думать, что Пётр в это время как-то специально выделял Фархварсона среди многочисленных экспертов (офицеров, моряков, ремесленников), нанятых им в 1697–1698 гг. в Англии, Голландии и других странах. Царь, похоже, даже забыл о нанятом учителе. Уезжая из Лондона, он не оставил приближённым никаких инструкций, как поступать с шотландцем: «Прошу, государь, милость, пожалуй изволь отписать, как быть с математиком, которого изволил перед поездом принять?», – писал Брюс из Лондона 10 мая²¹. Когда и каким маршрутом британцы прибыли в Россию неизвестно, но наиболее обоснованной следует признать версию, что все трое вместе с другими иностранцами были уже летом 1698 г. отправлены в Архангельск²² и, судя по всему, к осени того же года оказались в Москве²³. Разместившись в тесной «палатчонке» у своего земляка, переводчика Посольского приказа «Андрея Юрьевича» Кревета, который обеспечивал их «всякими нуждами, питьем, и людьми, и лошадьми, прочим, только кроме харча и платья»²⁴, учителя больше года ждали, когда их примут на службу. Но повеление «ведать» трёх учителей и выплачивать им жалованье Оружейная палата получила только 15 ноября 1699 г.²⁵, а царский указ, повелевший «быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению» и определявший трёх англичан учителями, появился лишь год спустя, 14 января 1701 г.²⁶

Месяц спустя быть в тех же науках у вышеозначенных учителей велено было «осташковцу Леонтью Магницкому» (1669–1739)²⁷. Иезуит Ф. Эмилиан

---

¹⁶ *Ibid.*; Fedosov D. Op. cit. P. 103–104; см. также указание на роль Кармартена и других сопровождавших царя лиц в найме специалистов: Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 108.

¹⁷ Collis R. The Petrine Instauraton: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden, 2012. P. 71.

¹⁸ Материалы для истории русского флота. Т. 3. СПб., 1866. С. 304.

¹⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 СПб., 1887. С. 723–724.

²⁰ Fedosov D. Op. cit. P. 104.

²¹ Письма и бумаги... Т. 1. С. 723–724.

²² Перри Д. Указ. соч. С. 108.

²³ Fedosov D. Op. cit. P. 104; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Указ. соч. С. 264–266.

²⁴ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 8.

²⁵ Материалы для истории... Т. 3. С. 291.

²⁶ Там же. С. 289.

²⁷ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1613–1725. Вып. II. М., 1883. С. 466.

уже в донесении из Москвы от 29 февраля 1701 г. сообщал, что царь «выстроил гимназию для обучения морскому делу, в которой англичане обучают 130 русских»²⁸. Что имел в виду иезуит, неясно, но жалование ученикам Оружейная палата начала выплачивать только с 30 июня 1701 г. и лишь семи человекам²⁹. Кроме того, школу по указу следовало разместить в Замоскворечье, в Кадашах, в бывших мастерских палатах, и учителя несколько раз обращались с челобитными, указывая, что здание это не подходит для преподавания (со двора невозможно было видеть горизонт и учить астрономическим наблюдениям). Кроме разных бытовых неудобств британцы ссылались и на удалённость района от обычных царских маршрутов, что делало маловероятным посещение школы Петром или царевичем³⁰. Доводы учителей были услышаны только в июле, когда школе передали Сухареву башню «со всяким палатным строением и с принадлежащей к ней землею», где она и размещалась вплоть до своей ликвидации в 1752 г.³¹

Итак, хотя Пётр лично инициировал приглашение учителей, те занялись делом лишь через три года после своего приезда в Россию. Найти за это время какие-то проявления интереса со стороны Петра к нанятым им учителям не удалось: в известных исследователям документах не встречаются ни обсуждения будущей школы, ни даже просто упоминания британских учителей. Никому из вельмож не поручалось в этот период и надзирать за школой. Впрочем, ничего удивительно в таком невнимании нет: во второй половине 1698 г. шло следствие по стрелецкому мятежу, в 1699–1700 гг. – переговоры о мире с Турцией, первая волна государственных реформ, объявление войны шведам и нарвская катастрофа. Большую часть этого, времени Пётр провел вне Москвы, и подобное невнимание к приглашённому эксперту и порученному ему делу следует признать вполне обычным для царя. Ситуация, конечно, усугублялась тем, что дело происходило в период быстрых изменений в структуре государственного управления, когда новые правительственные органы и новые каналы администрирования создавались параллельно со старыми и одновременно с многочисленными разовыми проектами. Сферы ответственности и отношения соподчинённости были размыты, множество инициатив замыкалось лично на Петра, а механизмов межведомственного взаимодействия и системного контроля за выполнением поручений не существовало. Единственной гарантией успешного продвижения дела являлась личная заинтересованность в нём достаточно высокопоставленного администратора, которому оно было поручено.

Вопрос, таким образом, состоит не в том, почему школа открылась лишь через два года после приезда британцев в Россию, а наоборот – как её вообще удалось открыть в таких условиях? Для ответа на него необходимо понять, как и кем были для этого мобилизованы административные ресурсы, и какие именно. Из более позднего письма Петру от А. Курбатова следует, что переводчик Кревет не просто приютил британцев у себя в «палатчонке», но и отвечал за организацию преподавания³². Подобное поручение не случайно: А.Ю. Кревет,

²⁸ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Рязань, 2010. С. 89.

²⁹ Материалы для истории... Т. 3. С. 291.

³⁰ Там же. С. 289–290. Обращения на ту же тему были также повторены 15 марта и 24 апреля 1701 г. (Викторов А.Е. Указ. соч. С. 468).

³¹ Материалы для истории... Т. 3. С. 289–290.

³² РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 1, л. 632 об.–633.

или Кревт (Henry Krevet, ум. 1719) был не просто рядовым приказным толмачом, но давним личным приятелем Петра. Поступив на государеву службу ещё в 1649 г., он начиная с 1688 г. выполнял поручения молодого царя, заказывая для него в Немецкой слободе и за границей предметы одежды, различные диковинки и инструменты³³. Переводчик попал в ближний круг государя в его кукуйский период: кн. Б.И. Куракин сообщал, что чуть ли не от Кривета и переняли Пётр и его окружение моду на камзолы, кортики с португезами и «шапочки аглинския»³⁴. В 1691–1692 гг. Кревт значился переводчиком в свите царя³⁵, и в последующие годы между ними продолжалась переписка, а англичанин по-прежнему поставлял царю разные заграничные предметы. Пётр называл его «раком» – очевидно, какое-то приятельское прозвище, отзвук их прошлых попок (возможно, основанное на игре слов Кревт – криветка); тот в ответ напоминал царю о «нашей компании»³⁶. В 1692 г. переводчик решил конвертировать личные отношения с царём в деловое предприятие: взялся «своим коштом» завести пильную мельницу по европейскому образцу так, чтобы она была в два раза производительнее русских аналогов, и даже получил жалованную грамоту, но в итоге получил назначение управлять уже существующими мельницами в Архангельске и селе Преображенском, а затем Хамовным двором в Преображенском, выпускавшем парусину и канаты³⁷. В качестве заведующего лесопилкой, поставщика канатов и парусов Кревт играл довольно заметную роль в строительстве в 1696 г. воронежского флота³⁸.

Кревт должен был быть заинтересован в новом проекте: дело в том, что как раз в это время дела у него шли не слишком успешно – в 1700 г. он заложил свой каменный дом на Чистых прудах, но так и не смог его выкупить, а в 1701 г. казна и вовсе решила отдать Хамовный двор на откуп другому иностранцу, Ивану Тиммерману³⁹. Вполне логично, что учителя должны были попытаться опереться на Кривета и задействовать его связи, а сам погоревший на мельницах переводчик – использовать эти связи, чтобы получить в новом проекте административную должность. Неудивительно, что в своём челобитье Петру учителя требовали назначить особое должностное лицо в школе «для надсмотривания и управления... у тех наших наук... чтобы тех учеников, которые будут, в подобострастии держать», и указывали на Андрея Кривета: «а нам, холопам твоим, без него... не управиться»⁴⁰.

Однако надеждам Кривета на новую должность не суждено было сбыться. Доброе личное отношение к нему царя сохранялось и в последующие годы, он продолжал получать жалованье даже после ухода со службы и оставался членом «компании»: после переезда Двора в Санкт-Петербург туда перевезли на жительство и Кривета, и Пётр почтил присутствием его похороны. Но личная переписка Петра с немолодым уже переводчиком после 1698 г. затухла: после Великого посольства у царя появились, конечно, и новые агенты за границей, и

³³ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 224.

³⁴ Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 69.

³⁵ Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к I-му тому. СПб., 1900. С. 96–97.

³⁶ Письма и бумаги... Т. 1. С. 229, 238.

³⁷ Ковригина В.А. Указ. соч. С. 188–189.

³⁸ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 24.

³⁹ Ковригина В.А. Указ соч. С. 188, 216.

⁴⁰ Материалы для истории... Т. 3. С. 290.

новые интересы⁴¹. Именно в этот момент школой и заинтересовался А.А. Курбатов, находившийся едва ли не на пике своего придворного влияния. Свою карьеру Курбатов начинал холопом боярина Б.П. Шереметева, человеком, который «за дела ходит», т.е. кем-то вроде крепостного домашнего адвоката. Курбатов играл ключевую роль в управлении колоссальным хозяйством боярина и сопровождал его в поездке в Европу в 1697–1698 гг. Видимо, именно из этой поездки он и вывез прославившую его идею введения «гербовой бумаги»: особых листов с проставленным на них гербовым штемпелем, на которых следовало теперь писать челобитные и другие официальные документы и которые нужно было покупать у государства. Свой проект Курбатов представил Петру в январе 1699 г.; идея получила немедленное одобрение, изготовление и продажу гербовой бумаги поручили Оружейной палате, а боярский холоп Курбатов был назначен туда дьяком. На протяжении нескольких лет после этого он оставался достаточно близким советником Петра и имел возможность поддерживать с ним прямую переписку.

Формально Оружейную палату возглавлял боярин и постельничий Ф.А. Головин, один из ближайших сотрудников Петра и фактический «премьер-министр»⁴², но тот одновременно выполнял массу других поручений и постоянно находился в разъездах. Замечу, что Головин был связан дружескими и клановыми отношениями с Шереметевым, прежним хозяином Курбатова⁴³. На этом фоне Курбатов не растерялся: уже в 1700 г. он писал лично царю донос на думного дьяка Л.А. Домнина, заместителя Головина в Оружейной палате, обвинив его в коррупции, и просил уволить из палаты⁴⁴. Домнин остался «товарищем» Головина, но фактическое управление палатой во многом перетянул на себя новый дьяк. Интриги на этом не закончились: так, в письме Головину в 1702 г. Курбатов подчеркнул, что «во времена отъездов твоих во всем управляю один, не имея себе покоя», а от Домнина «в деле государевом помощи... кроме во многих ево слабостях помешательства, не единыя не имею»⁴⁵. Он сетовал, что отдельные распоряжения в палату Головин передавал через дьяков Посольского приказа, от которых они попадали напрямую к Домнину. Из-за этого, по мнению Курбатова, можно было ожидать «бедства» для дела. «И от уст, государь, твоих многажды о слабостях ево (Домнина. – *И. Ф.*) слышал, – продолжал Курбатов, – а для чего в милости твоей содержитца, не вем»⁴⁶. Одновременно Курбатов привлёк в палату новых людей, таких же, как он, выходцев из боярских холопов: Ивана Хрипунова, «человека» Алексея Салтыкова, и Фёдора Обухова («Обыгова»), «человека» князя Гагина⁴⁷. Курбатов развернул бурную деятельность: открыл громкие следственные дела о занижении крупнейшими купцами размеров своих состояний и о продаже нелегального серебра. Одновременно он

⁴¹ Ковригина В.А. Указ. соч. С. 216, 227; Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 209, 293.

⁴² Bushkovitch P. Op. cit. P. 221–222.

⁴³ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 189–190.

⁴⁴ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 187.

⁴⁵ РГАДА, ф. 160, д. 11, л. 17–17 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Письма и бумаги... Т. 1. С. 337. Подробнее об отношениях Курбатова со своими клиентами см.: Жуковская А.В. Указ. соч. С. 322–325. В 1705 г. Хрипунов и Обухов вместе с Курбатовым перешли в Ратушу, Хрипунов оказался вместе с Курбатовым на Двине (*Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 557; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1900. С. 697; Т. 3. СПб., 1893. С. 353).

продолжал направлять царю мемориалы по вопросам, далеко выходящим за сферу его должностных обязанностей: так, после смерти патриарха Андриана Курбатов предложил отсрочить выборы нового главы Церкви, а тем временем создать особый светский орган по управлению церковным имуществом, что в итоге и было сделано⁴⁸. Когда отношения Курбатова с Головиным испортились, а доминирование Меншикова при Дворе стало очевидным⁴⁹, дьяк переориентировался на него и посылал прожекты не только царю, но и фавориту. Таков, например, проект об умножении войска, поданный Меншикову в 1704 г. Курбатов предлагал произвести под руководством Меншикова разбор московских служилых людей, причём в проекте раскрыл и технологию установления контроля над такими предприятиями: «Взять списки [всех служилых] под управление своего имени, и в товарищи к себе выбрать кого из знатных особ, и к нему дьяков»⁵⁰.

Решение Курбатова взять под свой патронаж Навигацкую школу хорошо вписывалось в общий контекст его бурной государственной активности в этот период: это ещё один проект, позволивший недавнему боярскому человеку продемонстрировать государю своё рвение и одновременно, как мы увидим, поддержать собственных клиентов и единомышленников. Всерьёз он взялся за школу уже в 1700 г., последовательно устраняя конкурентов: сначала донёс царю, что проект по организации преподавания математики стоит на месте, а виноват в этом Кревет, и прямо просил передать это дело ему, Курбатову: «Признаваю же в том много помешательству быти от Кревета, желающего чрез их заслуженное имети себе прибыль; молю тя, государь, повели мне усердственно во усмотрении сего дела тебе, государю, послужити, да размножится в твоём самодержавии преславное во свете сие дело». Параллельно Курбатов предложил царю собственного эксперта в области математики – Л. Магницкого. Сначала он организовал представление Магницкого Петру, а затем уже, ссылаясь на мнение этого эксперта, дискредитировал другого иностранца, которому Пётр ранее поручил подготовить учебник по арифметике: «Которую ево книгу брал я к себе и казал искусным во арифметике и геометрии Леонтью Магнитскому с товарищи... сказали, что та ево, иноземцова, книга преведена на славянский диалект зело неисправно и разуметь невозможно, и дивных вещей в ней нет». Оказалось, что Курбатов уже поручил Магницкому разработать альтернативный учебник, и что работа всюю идёт под присмотром дьяка в его собственном доме: «И по моему, государь, убогому старанию он, Леонтей, сочиняет у меня в доме с латинских и немецких книг многих от своего учения “Арифметику”, в которой сказал, что будет изъявление по части о геометрии и навигации. И набело, государь, той книги уже написано в дещь мелким писмом добрым 13 тетрадей. Видитця, государь, зело искусно и много тое книгу иноземцову во всем превосходит»⁵¹. Предлагая Петру поддержать издание книги, Курбатов апеллировал и к традиционному для прибыльщиков мотиву приращения государственных финансов, обещая что «прибыток будет твоей государевой казне, а не иноземцу тому»⁵².

⁴⁸ Серов Д.О. Указ. соч. С. 172–178. См. также мемориал Курбатова о необходимости более настойчиво добиваться перехода россиян на «венгерское» платье, прямо соотносящийся с соответствующим указом 1701 г. (Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. VIII. М., 1962. С. 103).

⁴⁹ Жуковская А.В. Указ соч. С. 329; *Bushkovitch P.* Op. cit. P. 237.

⁵⁰ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 601–602.

⁵¹ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 1, л. 632 об.–633; Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 104.

⁵² РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 1, л. 633; Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 104.

Принятие указа 14 января 1701 г. о создании школы пришлось на тот недолгий промежуток нарвской зимы, когда Пётр был в Москве; после поражения под Нарвой он вернулся в столицу 8 декабря 1700 г. и вновь уехал 31 января 1701 г.⁵³ Можно предположить, что указ также появился по инициативе Курбатова. Ещё М.М. Богословский отмечал, что высокопарная преамбула указа в его опубликованной версии со всеми этими «ревнуя древле бывшим греко-православным пресветло-самодержавным монархом» и проч., нетипична ни для петровского стиля, ни для приказного языка того времени, выбиваясь из стандартной формульности подобных документов⁵⁴. Зато она хорошо соотносится со стилем именно той культурной среды, к которой принадлежали и Курбатов, и Магницкий. Сама мотивационная часть, объясняющая создание школы отсылками на опыт других монархов, очень созвучна, кстати, мотивировке, предложенной 20 лет спустя Курбатовым в его проекте Кабинет-коллегиума. Встречаются и очень близкие обороты: если в указе 1701 г. упоминается «храбро-премудрейшее царствование», то в проекте 1721 г. – «мудро-храбрые труды» и т.д.⁵⁵ Учитывая интерес Курбатова к школе, едва ли указ 1701 г. не готовился им самим. Уже после отъезда Петра из Москвы, 22 февраля, к школе был причислен и Магницкий.

Для непосредственного заведования школой в Оружейной палате были выделены двое подьячих, причём Курбатов поручил её своим ближайшим сотрудникам: в 1701 г. «у математических и навигацких наук» значились Фёдор Обухов и Иван Хрипунов⁵⁶. Но основную ставку в управлении школой Курбатов последовательно и настойчиво сделал именно на Магницкого. Подобно тому, как ранее он доносил царю на своих конкурентов Домнина и Кревета, теперь он настойчиво дискредитировал британцев. Уже 16 июля 1702 г. он направил Головину письмо, обвиняя учителей в лености («англичане учат их той науке чиновно, а когда временем и загуляют или по своему обыкновению по часту и подолгу проспят») и кознях против Магницкого. Последний, наоборот, представлен как образец усердия и добродетели: «Непрестанно при той школе бывает и всегда имеет тщание не только к единому ученикам в науке радению, но и к иным к добру поведением»⁵⁷. Месяц спустя донос со стороны дьяка повторился: «Учители учат нерадетельно... А меньшей, государь, учитель рыцер Грейс ни к чему негодной и в непостоянстве всяком и в плутовстве блядни и учеников потворствует». В учении якобы уже давно произошла бы остановка, если бы не Магницкий, с «тщением безленостным» которого якобы связано первое достижение школы – готовность отправить шестерых навигаторов в следующую весеннюю кампанию на кораблях⁵⁸.

Неудивительно, что хотя Магницкий и был определён как бы в помощь британцам («в тех же науках у вышеозначенных учителей... быть»), в реаль-

⁵³ Походный журнал 1700 года. СПб., 1853. С. 10; Походный журнал 1701 года. СПб., 1853. С. 1.

⁵⁴ Богословский М.М. Пётр I: Материалы для биографии, 1699–1700. Т. 4. М., 2007. С. 308.

⁵⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 239–240. Ср. в «Стихах на герб России» и «Арифметике» Магницкого: «Сия же польза ко гражданству // треба каждому государству. // В древних бо летах цари грецки // и нынешнии все немецки // Единако се принимают // и царство свое управляют» (Сазонова Л.И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. С. 799).

⁵⁶ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 466.

⁵⁷ Материалы для истории... Т. 3. С. 293.

⁵⁸ РГАДА, ф. 160, д. 8, л. 50.

ности он с самого начала занял в школе самостоятельное положение. Сложно понять, существовало ли какое-то чёткое распределение обязанностей между ним и британцами в первые годы существования школы. Весной 1702 г., когда шло массовое зачисление в школу учеников, сопроводительные письма из Оружейной палаты адресовались в основном Магницкому и носили характер личного обращения («бил челом в ученики Печатного приказа подъячий Федор Васильев и челобитную подал, и по челобитной велено отослать его в школу, и ты, Леонтий Филипович, изволь ево принять»). Фархварсон же упоминался в третьем лице: «По указу Великого государя посланы в школу в обучение Федор Васильев сын Соболев да Федор Барышников, которых принял учитель Андрей Фархварсон с товарищи»⁵⁹. Свою роль играли тут и особые отношения Магницкого с дьяком Курбатовым и его подчинёнными. В своём письме 1702 г. Курбатов сообщал Головину, что использует Магницкого как своего агента в школе: дьяк получал от него прямые доклады о положении дел, а затем на основании этих докладов давал указания и наставления британцам⁶⁰. Магницкий расходовал деньги на покупку для школы припасов⁶¹, ему адресовалась и сохранившаяся переписка со школой по дисциплинарным вопросам (победам и опозданиям учеников, наказаниям)⁶². К 1705 г. Навигацкая школа – это школа не столько Фархварсона, сколько Магницкого: в списках показано лишь 30 учеников, которые «совершили науку навигации у иноземца Андрея Фархварсона с товарищем», и уже 34 человека, которые «совершили науку навигации» у Магницкого⁶³. При этом Магницкий не только обогнал Фархварсона по числу учеников, но вторгся в его сферу компетенции, в преподавание «вышних» дисциплин, которые должны были быть закреплены за шотландцем.

Как видим, в управлении Навигацкой школой Курбатов опирался на сеть своих клиентов, однако при ближайшем рассмотрении сеть эта оказалась лишь элементом более широкой социальной сети, имевшей вполне отчётливый культурный профиль. Бросается в глаза проступающая в источниках принадлежность ключевых лиц, причастных к деятельности школы в этот период, в том числе, Курбатова и Магницкого, к кругу позднемосковских книжников с характерным для него сильным влиянием украинско-польской культуры и ориентацией скорее на католический, греко-латинский вариант барочного Запада⁶⁴. Хотя сообщения о том, что Магницкий некогда обучался в Славяно-греко-латинской академии, пока не подтверждаются документально⁶⁵, он несомненно обладал разветвлёнными связями в среде книжников, группировавшихся вокруг Академии и Московского печатного двора. Эти связи ярко проявились в известном деле «еретика» Дмитрия Тверитинова 1713–1716 гг. В частности,

⁵⁹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – СПбИИ РАН), кол. 95, оп. 2, д. 1, л. 1–3.

⁶⁰ Материалы для истории... Т. 3. С. 293.

⁶¹ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 477.

⁶² СПбИИ РАН, кол. 95, оп. 2, д. 50а, л. 1–7.

⁶³ Материалы для истории... Т. 3. С. 295–300.

⁶⁴ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 83–90.

⁶⁵ Там же. С. 72; Буланин Д.М. Магницкий Леонтий Филиппович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 481. О юности Магницкого см. также: Денисов А.П. Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739). М., 1967. С. 19–23. Список 147 известных на сегодня учеников академии см.: Рамазанова Д.Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 280–290.

его связывали близкие отношения и с ректором академии Ф. Лопатинским, и с настоятелем Александро-Невской лавры Феодосием (Яновским), называвшим себя «старинным другом» учителя, а записка Магницкого по делу Тверитинова, как предположил А.В. Лаврентьев, могла быть адресована новгородскому митрополиту Иову⁶⁶. Именно в доме Магницкого, на специально устроенном для этого званом обеде и произошёл в 1713 г. многочасовой диспут, положивший начало всему делу, причём в специально подготовленном выступлении Магницкого, как и в его записке, прослеживается серьёзная богословская и гуманитарная подготовка математика⁶⁷.

Собственно, и знаменитая «Математика» Магницкого является ярким образчиком украинского барочного гуманизма⁶⁸. В её издании, как известно, видную роль играл ещё один виднейший книжник, глава Московского печатного двора и питомец академии Ф.П. Поликарпов, который позднее привлёк Магницкого к работе над славяно-латинским словарем⁶⁹. Наконец, среди приверженцев и близких товарищей Магницкого фигурируют и «торговый человек» И.И. Короткий, спонсировавший, среди прочего, перевод на русский язык сочинения Софрония Лихуда «О силе риторической», и переводчик этого текста грек Козьма Святогорец, живший с 1698 г. в Чудовом монастыре⁷⁰. Примеры можно продолжить. Контакты эти носили достаточно разветвлённый и устойчивый характер, складываясь в социальную сеть, которая связывала ряд заметных представителей церковных и книжных кругов, приказной бюрократии и торгового сословия. О плотности этой сети говорит хотя бы то, что и Магницкий, и его будущий оппонент Тверитинов, и участвовавший в создании «Арифметики» будущий основатель первой частной типографии Василий Киприанов были земляками – выходцами из Осташкова⁷¹.

Курбатов также принадлежал к этому кругу московских книжников⁷². О юности и образовании дьяка ничего не известно, однако его хозяин боярин Шереметев был видным западником именно позднемосковского, латинского образца: он вырос в Киеве, а по некоторым сведениям, даже учился некоторое время в Киево-Могилянской академии. Симпатии боярина, конечно, не могли не влиять на общую культурную атмосферу в его доме, определяя характер образованности его приближённых, к которым относился и Курбатов. Характерно, что едва ли не все фигуранты дела Тверитинова так или иначе вращались и вокруг дома Курбатова: здесь бывали, жили и вели богословские диспуты и сам Тверитинов, и выступивший на стороне Магницкого московский вице-губернатор, выходец из боярских людей и прибыльщик В.С. Ершов, и, видимо, Козьма Святогорец⁷³. Как уже упоминалось, до открытия Навигацкой школы в

---

⁶⁶ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 75; Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 38. СПб., 1882. С. 22, 232–233.

⁶⁷ Буланин Д.М. Указ. соч. С. 485; Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 88; Смилянская Е.Б. Волшебники, богохульники, еретики. М., 2003. С. 307–308.

⁶⁸ Okenfuss M.J. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modem Russia: Pagans, Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden, 1995. P. 57, 74–78.

⁶⁹ Буланин Д.М. Указ. соч. С. 483–484; Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 78.

⁷⁰ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 87–88.

⁷¹ Сам Магницкий мог быть также связан родственными связями и с Макарием (Теляшиным), митрополитом Сибирским, и с Нектарием, основателем Нило-Столбенской пустыни (Буланин Д.М. Указ. соч. С. 481; Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 89).

⁷² Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 84–89.

⁷³ Там же. С. 85, 89; Записка Леонтия Магницкого... С. 50. О В.С. Ершове см.: Серов Д.О. Указ. соч. С. 42–43; Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 124–126, 154–156.

доме Курбатова жил и работал над «Арифметикой» Магницкий с неизвестными «товарищи» (возможно, в их число входил Василий Киприанов)⁷⁴. Характерно, что с самого начала к Навигацкой школе был причислен переводчик с греческого и латинского – выпускник академии Федот Аггеев⁷⁵. А близких Магницкому торговых людей И.И. Короткого и А. Павлова (и, по предположению А.В. Лаврентьева, вместе с ним обвинённых фискалом Косым в злоупотреблениях в рамках дела Тверитинова) хорошо знал и Курбатов, рекомендовавший их Петру на роль торговых агентов в Амстердаме⁷⁶.

Таким образом, Магницкий и Курбатов принадлежали не просто к одному и тому же социальному и культурному кругу, но к одной из сторон будущего, по выражению В.М. Живова, «церковно-политического противостояния»⁷⁷, «латинствующей» партии Стефана Яворского. Конфликт этой партии с «протестантской» партией Петра и Феофана Прокоповича, кристаллизовавшийся в деле Тверитинова, отражал и клановое противостояние Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, а также противоборствующих придворных группировок⁷⁸. Он оформился и обострился постепенно, на протяжении первого десятилетия XVIII в., в ходе этих столкновений и под влиянием нарастающего неприятия «латинствующей» партией петровской церковной политики. Однако современники, встречавшиеся с Шереметевым во время его европейского турне, в один голос говорили о его симпатиях к католицизму и к латинской образованности или, во всяком случае, о его крайне свободных взглядах на различия между католической и православной Церквями, а впоследствии Шереметев отметился регулярными контактами с полоцкими иезуитами⁷⁹. Стефан же Яворский, на которого во многом ориентировался интересующий нас социальный круг и который стал затем вдохновителем дела Тверитинова, как известно, в молодости учился в католических училищах Польши и даже принял унию. На этом фоне примечательно, что московские иезуиты как о несомненном факте сообщали об обращении Курбатова в католичество во время его поездки с Шереметевым в Рим и уточняли при этом, что Курбатов был обращён «в латинство или в унию» одним из представителей ордена и даже произнёс исповедание новой веры в доме секретаря ордена в Риме⁸⁰. Более того, иезуит Эмилиан доносил в июле 1699 г., что по возвращении из Европы Курбатов искал контактов с представителями ордена в Москве. Далее он таинственно сообщал, что «Курбатов, человек довольно простоватый, взял на себя такое дело, которое, правда, само по себе и не очень большой важности, но может наделать много зла у этого подозрительного народа» (т.е. у русских)⁸¹. О каком деле идёт речь, из сообщения Эмилиана непонят-

⁷⁴ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 104.

⁷⁵ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 468; Рамазанова Д.Н. Братья Лихуды... С. 294–295. Когда переводчик Федот Аггеев умер, Курбатов немедленно подобрал нового, Аггея Ботвиньи́на (РГАДА, ф. 160, д. 11, л. 33–33 об.).

⁷⁶ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 87–88.

⁷⁷ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 140–141; Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 320.

⁷⁸ Там же. С. 126–442; Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 320–323; Тихонравов Н.С. Московские вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский // Тихонравов Н.С. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1898. С. 156–304.

⁷⁹ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 21–23.

⁸⁰ Там же. С. 12–15, 20–29.

⁸¹ Письма и донесения... С. 66–67.

но, но сохранилась адресованная к папе римскому «супплика» Курбатова, датированная апрелем 1698 г. В ней открыто заявлялось о миссионерских намерениях автора: он просил понтифика снабдить его книгами и образованными сотрудниками из числа чехов и поляков, опираясь на которых, он мог бы склонять детей московской знати к «veraе catholicae ecclesiae». Своего господина Шереметева Курбатов представлял здесь эмиссаром, специально направленным патриархом Адрианом искать помощи Рима в борьбе с проникающей в Россию «лютеранской и кальвинистской ересью» (haeresibus lutheri et calvini). В качестве способа привлечения московской аристократической молодёжи предполагалось, в частности, преподавание математики и архитектуры⁸².

Сам по себе факт возможного обращения Курбатова в католичество, если он действительно имел место, не особенно примечателен и уж, во всяком случае, не исключителен для того времени: не только Стефан Яворский, но и ставший в эти годы ректором Московской академии Палладий Роговский, да и сам Феофан Прокопович также принимали католичество или унию, чтобы получить возможность обучаться в западноевропейских католических училищах⁸³. Более любопытно, что инициатива Курбатова вписывается в общий всплеск интереса к латинской учёности со стороны Петра в этот период. Появление указа о создании Навигацкой школы совпало по времени с возложением на Стефана Яворского обязанностей местоблюстителя патриаршего престола (16 декабря 1700 г.), а в сентябре 1701 г. последовало формальное утверждение Петром привилегии Киевской академии. Тогда же быстро «латинизировалась» за счёт привлечения киевских учителей и Московская академия, причём введение в ней латинских штудий происходило по прямому указанию царя. На 1700–1701 гг. приходится и расцвет иезуитской школы в Москве, организованной чехами Яном Миланом и Яном Берулой и рекрутировавшей десятки представителей московской знати при одобрительном отношении Петра⁸⁴. Разговоры о недопустимо терпимом отношении Петра к католицизму велись в эти годы не только среди москвичей, но и среди иноземных офицеров-протестантов⁸⁵. При этом сами иезуиты считали Яворского своим врагом: Берула передаёт ходившие по Москве слухи, будто Стефан «окончил высшие науки в Вильне, притворившись там униатом, но когда снята была с него маска, то говорят оттуда был удалён не совсем почётно»⁸⁶. В 1702 г. Яворский действительно обратился к Петру с требованием запретить русским отдавать своих детей в иноверческие школы (что не помешало иерусалимскому патриарху Досифею на следующий год обвинить его в латинстве)⁸⁷, однако это требование царь не удовлетворил.

Можно ли связать деятельность Курбатова в Навигацкой школе и его последующее настойчивое внимание к развитию школ с его католическими контак-

---

⁸² *Supplex epistula ab Alexio Kurbatov ad pontificem Innocentium XII missa // Шмурло Е.Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903. С. 359–362.

⁸³ См., например: *Сазонова Л.И.* Указ. соч. С. 36–37.

⁸⁴ *Флоровский А.Г.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // *Восемнадцатый век.* Вып. 5. М.; Л., 1962. С. 316–327; *Okenfuss M.J.* The Jesuit origins of Petrine education // *The eighteenth century in Russia.* Oxford, 1973. P. 107–120.

⁸⁵ *Bushkovitch P.* Op. tit. P. 202–204.

⁸⁶ *Письма и донесения...* С. 81, 94, 99.

⁸⁷ *Живов В.М.* Указ. соч. С. 139–40.

тами?⁸⁸ Вот примечательная деталь: подьячий И.А. Хрипунов, привлечённый в Оружейную палату по прямому ходатайству Курбатова, некоторые свои служебные документы, обращённые к Магницкому, подписывал по-латыни – *scriba Joannes Chripunov*, причём встречаются и записки Хрипунова, целиком написанные на латыни⁸⁹. Любопытно, что в одном из таких писем «*scriba Joannes*» называл Магницкого «*amantissime Frater et socius, et comes, a pache benefactor et dominus*»⁹⁰. Почему ближайший сотрудник Курбатова называл Магницкого, работника подведомственной ему школы, «братом», «сотоварищем», «благодетелем» и «господином»? Следует ли обращение «*Frater*» понимать буквально – как признак общей принадлежности к некоему «братству»-ордену, или это лишь формула вежливости? В одном из писем подьячий подписывается «*amicus et discipulus*»⁹¹: похоже, Магницкий в какой-то момент являлся наставником Хрипунова – но наставником какого рода? У нас недостаточно данных, чтобы ответить однозначно на эти вопросы. Но изложенные обстоятельства указывают на то, что ключевые деятели Навигацкой школы, которым она и обязана своим становлением в первой половине 1700-х гг. были тесно связанными друг с другом единомышленниками, объединёнными общим неприятием намечающейся «протестантской» тенденции в современной им культурной и церковной политике. Между ними существовали прочные отношения, далеко выходящие за рамки официальных.

Насколько эта культурная общность проявилась в организации преподавания в школе, какие интеллектуальные, этические и эстетические установки могли быть заложены в учебные материалы и преподавательские практики, трудно сказать с определённой точностью, так как архив школы, к сожалению, утрачен. В некоторых своих основных чертах Навигацкая школа могла повторять образовательные модели и практики, принятые в школе Лихудов. Роднило две школы наличие ступеней – с одной стороны, массовой подготовительной школы, дававшей общеобразовательные навыки, необходимые для последующего изучения собственно профессиональных дисциплин, а с другой – высшего класса, зачисление в который происходило по итогам достаточно жёсткого отбора⁹². Подобно тому, как центральным проектом для Навигацкой школы на начальном этапе стало создание «Арифметики» Магницкого, так и в школе Лихудов ранее велась работа над собственной «Грамматикой»⁹³. Можно предположить, что наличие собственного учебника играло в самоидентификации учителей этого круга немалую роль.

---

⁸⁸ Следует вспомнить также, что в своих «пунктах о кабинет-коллегиуме» 1721 г. Курбатов довольно пространно доказывал необходимость заведения «академий свободных разных наук» и «учительных школ», в том числе и со ссылками на европейский опыт, а в период своего вице-губернаторства в Архангельске по собственной инициативе пытался открыть школу для солдатских сирот (*Павлов-Сильванский Н.П.* Указ. соч. С. 84–85, 238–239).

⁸⁹ СПБНИИ РАН, к. 95, оп. 1, д. 1, л. 1, 5–8, 12, 18–18 об., 20–20 об.

⁹⁰ Там же, л. 7. В другом письме Хрипунов именовал Магницкого «*Domine Benevolentissime Леонтий Филиппович*» (Там же, л. 20 об.).

⁹¹ Там же, л. 5.

⁹² *Рамазанова Д.Н.* Формирование учебной программы Славяно-греко-латинской академии // Образ науки в университетском образовании. Материалы XVII научной конференции. Москва, 27–29 января 2005. М., 2005. С. 227; она же. Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов (челобитные учеников и учителей) // Очерки феодальной России. Сборник 13. М.; СПб., 2009. С. 307–308.

⁹³ *Рамазанова Д.Н.* Формирование учебной программы... С. 227–228.

Конечно, всё это довольно общие черты, которые вовсе не обязательно говорят о заимствованиях из опыта школы Лихудов, но во всяком случае, они не противоречат её опыту. Мы видим также, что Навигацкая школа вообще воспринималась современниками, в том числе самим Петром, как совокупность учеников, собирающихся вокруг учителя, который носит наименование «мастера», и у которого могут быть сотрудники-«подмастерья». По сути, при таком подходе не было места и вообще для некоей единой школы – она распадалась на классы-мастерские отдельных учителей-мастеров: документы последовательно говорят о «школах» математических и навигацких наук во множественном числе⁹⁴. Соответственно, вопросы организации учебного процесса внутри каждой школы-мастерской оставались прерогативой конкретного мастера, сохранявшего определённую автономию в своих отношениях с учреждениями, которым поручено было «ведать» данную школу, и со своими «подмастерьями». Кроме того, уже в школе Лихудов практиковалось привлечение книжников к освоению морского дела, в том числе путем перевода необходимых текстов с итальянского; именно «навычные итальянскому языку» ученики Лихудов были определены в «ученье морскому воинскому ходу и карте, и компасом». Одним из этих учеников являлся, кстати, и Федот Аггеев, затем привлечённый Курбатовым в качестве переводчика в Навигацкую школу⁹⁵.

Основным же доступным нам текстом, отражающим установки создателей школы, остается «Арифметика» Магницкого – и это установки не на узкоутилитарное, техническое, справочное знание, а на формирование мировоззрения, даже на воспитание эстетического чувства читателя. «Арифметика» включает и общефилософские рассуждения, цитаты из Священного писания и отцов Церкви, главы предварены стихотворениями, аллегорическими изображениями, позаимствованными из более раннего букваря Поликарпова, «Алфавитара» Евфимия Чудовского и даже трудов Я.А. Коменского. В самих стихотворениях развиваются традиционные для барочной поэзии мотивы «вертограда», уподобление сада и цветов наукам и мудрости, а добродетельных детей – цветам. Вторя букварям Симеона Полоцкого и Поликарпова, вирши в «Арифметике» призывают учеников к прилежному учению, представленному и как богоугодное дело⁹⁶.

Это тем более существенно, что «Арифметика» не была побочным продуктом школы, каким-то индивидуальным предприятием Магницкого: её создание стало центральным для самопрезентации всего предприятия, на неё делалась ставка в карьерно-придворных стратегиях Курбатова и его клиентской сети. Поручение подготовить «на словенском диалекте, избрав от арифметики и геометрии и навигации, поелику возможно, годную к тиснению книгу» содержалось уже в распоряжении от 22 февраля о причислении к школе Магницкого (по всей видимости, инспирированном Курбатовым)⁹⁷. Когда работа была завершена и представлена Магницким (21 ноября того же года), Оружейная

---

⁹⁴ Материалы для истории... Т. 3. С. 290; *Нечаев Н.В.* К 250-летию первых указов Петра I о школах // Советская педагогика. 1951. № 6; *Викторов А.Е.* Указ. соч. С. 477, 480; *Денисов А.П.* Указ. соч. С. 63.

⁹⁵ *Рамазанова Д.Н.* Формирование учебной программы... С 227; она же. Источники для изучения... С. 309.

⁹⁶ *Булагин Д.М.* Указ. соч. С. 483; *Брагоне М.-К.* Стихотворения в «Арифметике» Леонтия Магницкого // *History and Literature in Eighteenth-Century Russia* / Ed. by S. Bogatyrev, S. Dixon and J.M. Hartley. L., 2013. P. 1–28.

⁹⁷ Разбор ключевых источников «Арифметики» см.: *Брагоне М.-К.* Указ. соч.

палата подготовила для Петра специальный подносной экземпляр⁹⁸. Курбатов как фактический руководитель Оружейной палаты играл ключевую роль и в издании «Арифметики», вышедшей огромным тиражом в 2 400 экземпляров: книга печаталась как «неокладное издание», т.е. не за счет Печатного двора, а на «наемных станах», на средства Оружейной палаты⁹⁹. Она стала зримым свидетельством успеха создателя школы, когда до каких-то наглядных учебных достижений было ещё очень далеко.

Одновременно издание книги дало Курбатову повод последовательно лоббировать материальные интересы своих клиентов. Уже ставя перед Петром вопрос об издании «Арифметики», дьяк сразу выговорил будущее вознаграждение Магницкому: «Леонтию с товарищи изволишь от того собрания (выручки от продажи книги. – *И.Ф.*) пожаловать некоторую малую часть»¹⁰⁰. В дальнейшем ссылками на успешную подготовку издания Курбатов обосновывал свои настойчивые требования о повышении Магницкому жалованья. Кроме того, в марте 1703 г. тому был пожалован двор на Лубянке, а в 1704 г. Оружейная палата оплатила счета «за построенное Магницким на новопостроенном его дворе в полатах и на дворе всякое строение» и даже расходы на пошив учителю саксонского кафтана и другого платья «за его непрестанные прилежные в навигацких школах в учении труды»¹⁰¹. Решения о награждении принимались по указу государя за скрепою Курбатова¹⁰². Позднее аналогичным образом он поддержал и Василия Киприанова, библиотекаря, привлечённого к работе над «Арифметикой»: в 1704 г. дьяк успешно ходатайствовал о передаче ему в награду за работу над «Арифметикой» каменной лавки и двух «скамейных мест», а в 1705 г. добился выдачи Киприанову не просто разрешения на открытие первой частной типографии, но и государственной ссуды на её устройство и предоставления ему монополии на издание гражданских гравюр. Типографии велено было находиться в ведении Ратуши и лично Курбатова¹⁰³.

Итак, к 1705 г. Курбатов и Магницкий практически полностью взяли Навигацкую школу в свои руки, и не только не позволили Фархварсону стать действительным её руководителем, но и сильно потеснили его в вопросах преподавания. Однако как раз в этот момент в карьере Курбатова наступил крутой поворот: в феврале 1705 г. он стал инспектором Ратуши – органа с широчайшими полномочиями по управлению всем городским населением страны¹⁰⁴. Тогда же под его управлением оказалась и Канцелярия каменных дел. Как уже упоминалось, Курбатов забрал с собой в Ратушу и Хрипунова с Обуховым – подьячих, непосредственно ведавших школой. В августе 1706 г. умер глава Оружей-

⁹⁸ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 466, 475.

⁹⁹ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 93, 95. См. также: *Куприянова Т.Г.* Новые архивные сведения по истории создания «Арифметики» Магницкого // *Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия.* М., 1988. С. 279–282; *Хмыров М.Д.* Сведения о Василии Киприанове, библиотекаре Московской гражданской типографии при Петре I // *Русский архив.* 1866. Вып. 10. Стб. 1291–1300; *Гражданская типография Киприановых* // *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах.* Т. IX. М., 1999. С. 18–19.

¹⁰⁰ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 104.

¹⁰¹ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 477, 480.

¹⁰² Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 104–108.

¹⁰³ *Бородин А.В.* Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // *Труды института книги, документа и письма.* Т. 5. М.; Л., 1936. С. 59–67; *Гражданская типография...* С. 18–19.

¹⁰⁴ *Жуковская А.В.* Указ. соч.; *Серов Д.О.* Указ. соч. С. 181.

ной палаты Головин, и Навигацкую школу передали в ведение Ф.М. Апраксина и возглавляемого им Приказа морского флота. Курбатова же Пётр в 1711 г., вопреки его собственному желанию, отправил в должности вице-губернатора руководить Архангельской губ.

Тем не менее школа сохранила свою организационную устойчивость. Сохранилось и соотношение сил внутри неё: позиции Магницкого даже укрепились. Очевидно, это было связано с тем, что Магницкий мог опираться на поддержку не только персонально Курбатова, но и более широкого круга книжников, который они оба представляли. Из материалов дела Тверитинова видно, что и после назначения Курбатова на Двину его московский дом остался одной из точек притяжения для представителей этой среды. Дом самого Магницкого также стал важным местом собраний книжников, к которым принадлежал и влиятельный вице-губернатор В. Ершов¹⁰⁵. Примечательно, что Апраксин в деле Тверитинова последовательно поддерживал партию Яворского (хотя и опасался возможных политических последствий), и прибыв в 1714 г. в Санкт-Петербург для дачи показаний в Сенате, Магницкий первым делом явился за помощью именно к нему¹⁰⁶. Как и Головин, Апраксин был связан дружескими отношениями с Шереметевым, первым патроном Курбатова¹⁰⁷.

По документам видно, что после назначения Курбатова в Ратушу Головин уже в июле 1705 г. поручил школу стольнику Д.П. Протасьеву, своему дяде, одному из двух мирян (вторым был И.А. Мусин-Пушкин)¹⁰⁸, которых Курбатов в октябрьском письме 1700 г. рекомендовал Петру для «временного в духовных управлениях»¹⁰⁹. Хотя внутри палаты первое время, насколько можно судить, школа не была закреплена персонально за кем-то из дьяков, уже в августе появились первые документы, направляемые в школу за подписью Андрея Беляева¹¹⁰. Дьяк, а затем адмиралтейский комиссар А.А. Беляев (ум. ок. 1718) играл ключевую роль в управлении Навигацкой школой на протяжении последующих десяти лет¹¹¹. О биографии Беляева, как и большинства других приказных того времени, известно крайне мало, но из документов ясно, что в период своей службы в Приказе морского флота, а затем в Адмиралтействе он являлся не просто чиновником, но ближайшим доверенным лицом Апраксина. Как это было характерно для сановников той эпохи, канцелярия Апраксина занималась и обеспечением его деятельности как главы морского ведомства, и управлением его личными и хозяйственными делами. Беляев заведовал, в частности, достройкой дома адмирала, поместными делами его брата, и т.д.¹¹² Вёл он и предпринимательскую деятельность, где нужды флота и интересы Апраксина как крупного подрядчика были неразделимы: именно

¹⁰⁵ Записка Леонтия Магницкого... С. 22, 232–333. О В.С. Ершове см.: *Серов Д.О.* Указ. соч. С. 42–43; *Павлов-Сильванский Н.П.* Указ. соч. С. 124–126, 154–156.

¹⁰⁶ *Смилянская Е.Б.* Указ. соч. С. 321. О позиции Апраксина см. также: Записка Леонтия Магницкого... С. 266.

¹⁰⁷ *Заозерский А.И.* Указ. соч. С. 189–191.

¹⁰⁸ РГАДА, ф. 160, оп. 1, 1705 г., д. 14, л. 6; д. 8, л. 80 об. Судя по переписке, сестра Протасьева была матерью Головина.

¹⁰⁹ РГАДА, ф. 9, ч. II, д. 1, л. 102 об.; *Рункевич С.Т.* История Русской Церкви под управлением Св. Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Св. Правительствующего Синода. 1721–1725 гг. СПб., 1900. С. 28.

¹¹⁰ СПбИИ РАН, кол. 95, оп. 1, д. 1, л. 43, 45.

¹¹¹ О передаче его выморочного двора в Петербурге адмиралу Дж. Паддону см.: *Материалы для истории русского флота.* Т. 4. СПб., 1867. С. 334.

¹¹² РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 75, л. 57–57 об., 75–75 об.

в интересах адмирала Беляев управлял в 1710-х гг. полотняными дворами в Москве¹¹³. Управление это, впрочем, оказалось не слишком успешным – Беляева в итоге обвинили в том, что он чуть не разорил фабрику и поставлял на флот гнилую парусину¹¹⁴.

В качестве доверенного лица высокопоставленного сановника Беляев и сам был прожектёром. Например, в марте 1714 г. он предложил Апраксину обратиться к Петру с идеей введения нового налога – сбора с морских и речных судов. Идея обосновывалась «самой государственной денежной нуждой и войной», стремлением «учинить помощь государственную». Столь же традиционно выглядело обещание, что новый налог не повлечёт для населения «тяжёлости». Новая идея предлагалась не случайно. Беляев указывал, что администрированию подобного сбора, если он будет одобрен, «прилично» быть под ведением его патрона как главы Адмиралтейства, заведующего всеми судами в государстве вообще, а значит, конечно, под ведением самого Беляева. В отличие от обычных его писем этот проект красиво выписан и представлен в двух экземплярах, очевидно, для представления Петру¹¹⁵.

Здесь важно отметить, что Беляев был хорошо знаком с делами Навигационной школы и с её учителями, так как службу свою он начинал в Оружейной палате под руководством Курбатова. В 1701 г. он числился там как подьячий, а в 1705 г. – уже указан как один из двух дьяков, т.е. занял освобождённую Курбатовым должность¹¹⁶. Переход Беляева на службу в Приказ морского флота примерно совпал по времени с передачей школы в ведение Апраксина, который постоянно находился в разъездах, а с основанием Санкт-Петербурга проводил большую часть времени в новой столице, так что управление школой и переписку по школьным делам вёл через Беляева¹¹⁷. Тому, например, доверялся отбор учеников для посылки в те или иные должности на основании рекомендаций учителей¹¹⁸.

Формально в этот период между школой и управляющими ею ведомствами сохранялась определённая дистанция. Ведомства обеспечивали содержание школы, направляли туда учеников и распределяли выпускников для дальнейшего прохождения службы. Именно этим вопросам в основном и посвящена сохранившаяся переписка учителей с чиновниками. Кроме того, как это и было положено в то время, ведомства выполняли судебные-следственные функции в отношении подчинённых им служилых людей и, соответственно, рассматривали также дела о побегах и неявках учеников, совершаемых ими уголовных преступлениях в отношении горожан, изредка – имущественные споры, в которые оказывались вовлечены школьники¹¹⁹. В этих условиях и на фоне достаточно безразличного отношения к школе со стороны Апраксина особенно заметно, как Беляев всё более явственно втягивался в роль её патрона. Он требовал от Апраксина необходимых для деятельности школы распоряжений, напоминал о распределении окончивших курс учеников и добивался соответствующих

¹¹³ Материалы для истории... Т. 3. С. 412–417.

¹¹⁴ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 478–479.

¹¹⁵ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 75, л. 17–18.

¹¹⁶ Викторов А.Е. Указ. соч. С. 466. Первые бумаги, направленные в школу за подписью Беляева, относятся к августу 1705 г., хотя в этот период школа, похоже, не была закреплена за каким-то одним из дьяков Оружейной палаты (СПБНИИ РАН, кол. 95, оп. 1, д. 1, л. 43, 45).

¹¹⁷ Например: РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 106, л. 1, 2.

¹¹⁸ Там же, л. 1082; СПБНИИ РАН, кол. 95, оп. 1, д. 1, л. 471.

¹¹⁹ См., например: РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 53.

указаний государя¹²⁰, ходатайствовал о повышении жалованья учителям¹²¹, защищал учеников (а также собственные прерогативы) от поползновений со стороны других ведомств¹²². Показателен эпизод с поступившим в 1714 г. указом об отправке выпускников в губернии в качестве учителей, который вызвал у Беляева серьёзное беспокойство своей нечёткостью и отсутствием деталей, без которых его невозможно реализовывать: «Оный указ мрачен и без многих обстоятельств, которым быть потребно». Три месяца спустя он напоминал Апраксину, что запросов о присылке учителей ни из одной губернии не поступило, «от чего, государь, опасен я, чтоб оная неразсылка не причлась к канцелярии нашей»¹²³.

Едиственный за этот период шаг в сторону фиксации собственно внутреннего устройства школы напрямую отражал интересы Магницкого, чья позиция в период руководства Беляева, кажется, только укрепилась. В конце 1705 г. по указанию Петра Фархварсона вместе с Гвином и группой учеников отправили «вымерять дорогу летнюю от Москвы до Новгорода, а от Москвы до Санкт-Петербурга. И вымеряв, учинить чертёж всем поворотам и кривизнам той дороги»¹²⁴. На какой-то период Магницкий остался единственным учителем в школе. Бóльшая часть сохранившейся внешней переписки со школой за 1705–1715 гг. обращена именно к нему. В 1711 г. ему было велено доложить в Сенат, «что ныне в математической и навигацкой школах учеников и в каких кто науках», на следующий год от него требовали в Петербург «робят молодых» человек 10 для помощи архитекторам (к «городовым делам») ¹²⁵, и т.д. По некоторым признакам мы видим, что Беляев вынес из своей службы в Оружейной палате тёплое личное отношение к учителю и, например, специально ходатайствовал перед Апраксиным о повышении жалованья «бедному Магницкому»¹²⁶. Неудивительно, что вскоре после передачи школы под управление Приказа морского флота (не позднее 1707 г.) разделение обязанностей между учителями было официально закреплено указом от царского имени: Магницкому предписали ведать учеников, «которые пребывают учением в арифметике даже до навигации, а как они из того учения выдут, таковых отсылать без всякого у себя задержания в выснее учение к учителям иноземцам Андрею Фархварсону с товарищи», причем Магницкому и Фархварсону велено самостоятельно вести учёт посещаемости и успеваемости учеников и переписку с флотским начальством¹²⁷. Таким образом, прямо закреплялась полная самостоятельность Магницкого, а организационно – наличие двух обособленных и никак друг другу не соподчиненных «школ». На практике это должно было означать закрепление подавляющего числа учеников в ведении Магницкого, поскольку до «вышних наук» доходила лишь небольшая их часть.

¹²⁰ Например: РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 75, л. 11, 52 об.

¹²¹ Материалы для истории... Т. 3. С. 312–312.

¹²² Там же. С. 303.

¹²³ Материалы для истории... Т. 3. С. 323–324.

¹²⁴ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1. СПб.; Щёлково, 2004. С. 113; *Викторов А.Е.* Указ. соч. С. 482.

¹²⁵ СПбИИ РАН, кол. 95, оп. 1, д. 1, л. 357, 378.

¹²⁶ Материалы для истории... Т. 3. С. 312–313.

¹²⁷ СПбИИ РАН, кол. 95, оп. 2; д. 1, л. 120. Изначально Магницкий направлял учеников напрямую к Фархварсону, однако в 1710 г. Беляев распорядился, чтобы о таких переводах докладывали ему в Приказ морского флота (Материалы для истории... Т. 3. С. 303).

Таким образом, история Навигацкой школы в её начальный период едва ли не полностью определялась предприимчивостью А. Курбатова. Конечно, сам Пётр в 1698–1701 гг. лично рекрутировал на русскую службу Фархварсона, что целиком вписывалось в его общую заинтересованность в заведении светского обучения, ориентированного на подготовку технических специалистов. В 1698 г. началось обучение артиллеристов при бомбардирской роте Преображенского полка и при Пушкарском приказе, а южнославянские навигаторы М. Меланкович и И. Кучица были назначены преподавать у строения пристани в Азове¹²⁸. 10 января 1701 г., ещё до указа о Навигацкой школе, велено было «на новом пушечном дворе построить деревянные школы и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей детей их словесной и письменной грамоте и цифири и иным инженерным наукам». Кроме того, в июле того же года появились распоряжения «завести в [Славяно-греко-латинской] академии учения латинские», а Н. Швиммеру, ректору одной из протестантских церквей, «учить словенского речения и письма русских всяких чинов людей латинскому, немецкому и свейскому языкам». В сентябре состоялось подтверждение привилегий Киево-Могилянского коллегиума¹²⁹. Интерес Петра к образованию в этот период очевиден, и он, конечно, транслировался его приближённым, задавая и общее направление, и рамки их возможных действий.

Вопрос, однако, в том, как этот интерес воплощался в конкретных проектах. Несмотря на предания, получившие хождение ещё в XVIII в., документальных свидетельств об участии Петра в разработке программы обучения в Навигацкой школе, обсуждении её устройства нет. Нет данных и о наличии каких-то его поручений на этот счёт. Вся известная исследователям переписка с Петром по поводу Навигацкой школы носит односторонний характер: обращения к царю. При этом едва ли не единственным эпизодом, относительно которого известна реакция Петра на эти доклады, был его ответ на просьбу учителей о перенесении школы из Замоскворечья на более возвышенное место. Но и этот вопрос Пётр не стал решать сам, а оставил на усмотрение Головина, причём передал ответ через Апраксина: «О математиках, кои на Москве, изволишь учинить по сваему рассмотрению», пересказывал адмирал распоряжение царя в начале апреля 1701 г.¹³⁰

В отсутствие как устойчивого внимания к школе со стороны Петра, так и рутинного бюрократического механизма управления образовательными проектами становление и развитие школы стало возможным благодаря человеку, имевшему прямой доступ к царю, возможность распоряжаться финансовыми и административными ресурсами Оружейной палаты и опиравшегося на определённую социальную сеть. Курбатов не ликвидировал проект Фархварсона–Кревета, но взял его под свой административный и кадровый контроль. Дьяк убедил царя, что он спасает проект, который был инициирован им самим, но якобы почти провален другими администраторами, а затем оттеснил Кревета и

¹²⁸ *Бенда В.Н.* Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. СПб., 2008. С. 87–99, 101–105; *Сукновалов А.Е.* Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. Т. 42. М., 1953.

¹²⁹ *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720 г.). СПб., 1873. С. 241; *Ковригина В.А.* Указ. соч. С. 311–313; *Смирнов С.И.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 80; ПСЗ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1870. С. 173–174.

¹³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 710.

внедрил в школу Л. Магницкого, замкнув на последнего каналы управления и целенаправленно противопоставляя его британцам. Замечу, что соответствующее поручение Петра было прямо инициировано самим Курбатовым. Весьма вероятно, что он же обеспечил и принятие указа 1701 г. Без его активной помощи едва ли удалось бы добиться и размещения школы в Сухаревой башне (из которой ещё нужно было вывести воинскую часть), быстрого выделения из средств Оружейной палаты значительных сумм на ремонт и надстройку башни, а в дальнейшем и на текущие и экстраординарные расходы. Видим, что и докладывал о необходимости обустройства школы наверх, и скреплял соответствующие решения именно Курбатов¹³¹. Причин для интереса к школе у него было несколько, и причины эти тесно переплетались. С одной стороны, речь шла о контроле над ресурсами и о возможности продемонстрировать государю собственное рвение и управленческие способности с пониманием того, что успешная демонстрация создавала возможности для привлечения новых ресурсов. С другой, деятельность Курбатова по созданию Навигацкой школы естественно выростала из его укоренённости в определённой культурной среде, в разветвлённой социальной сети, и стремление поддерживать и продвигать представителей этой сети само становилось важным движущим мотивом для предприимчивого дьяка. Одновременно эта сеть поставляла ему кадры и идеи для реализации задуманного проекта. Характер этих идей и в целом круг позднемосковских латинствующих книжников и его отношение к католицизму нуждаются в особом изучении. Очевидно, можно говорить не о доктринальной близости московских книжников к католической Церкви, а скорее о пересечении культурных позиций, основанных на противостоянии протестантизму, ориентации на барочный, схоластический гуманизм, установке на определённую автономию Церкви от секулярных властей и самостоятельную ценность церковного вероучения и восходящей к нему книжной традиции¹³².

В итоге создание школы стало возможным благодаря инициативе и потенциалу социального и культурного круга, принадлежавшего к допетровской, позднемосковской эпохе, ценностные установки которого лишь в ограниченной степени совпадали с установками и целями царя. Сама школа, которой суждено было стать важным поставщиком кадров для ряда новых технических отраслей и для административного аппарата в целом, стала плодом вовсе не целенаправленных, модернизаторских усилий рационального государства, а предприимчивости дьяка Курбатова и его товарищей, ориентированных на барочный гуманизм и неразделённость церковного и технического знания. Таким образом, одна из ключевых институций петровской модернизации выросла «снизу», из толщи предыдущей эпохи. Возможно, в той или иной степени аналогичная ситуация обнаружится при более внимательном изучении и других петровских новаций.

---

¹³¹ СПбИИ РАН, кол. 95, оп. 2, д. 50а, л. 26–27 об.

¹³² Живов В.М. Указ. соч. С. 138.